

Алексей Сурков

НАСТУПЛЕНИЕ

Молодая Гвардия
1943

А. СУПРОВ

Наступление

**Издательство ЦБ ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1943**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Победа</i>	3
<i>Родина</i>	4

Декабрь на Дону

<i>В добрый час</i>	7
<i>Мы наступаем</i>	8
<i>Дорога на юг</i>	9
<i>Ненавистью победим</i>	10
<i>Защитник Сталинграда</i>	11
<i>Сибиряки</i>	13

Баллады

<i>Баллада о пехотной гордости</i>	15
<i>Баллада о гвардейской чести</i>	20
<i>Двое ночью</i>	22
<i>Баллада о двух солдатах</i>	24

Народное сердце

<i>Ночной собеседник</i>	29
<i>Дума солдатки</i>	34
<i>Старик</i>	37

Полевая книжка

<i>„Все надо пережить...“</i>	40
<i>Взгляд вперед</i>	41
<i>Чиж и пушка (басня)</i>	41
<i>„При орудийной перебражке...“</i>	42
<i>И будет так...</i>	43
<i>На привале</i>	43
<i>В обеденный час</i>	44

Песни

<i>Черноморская песня</i>	45
<i>Девичья</i>	46
<i>Разговор</i>	47
<i>Подарок</i>	48

Победа

От Кубани к верховьям Донца
Мчится ветер, степной непоседа.
Будто музыка в наших сердцах —
Долгожданное слово ПОБЕДА.

В этом слове — солдатская честь,
Радость встреч после долгой разлуки.
В этом слове — свершённая месть
За обиды, за слезы и муки.

Мы идем по равнине степной,
Серебристой овейны пылью.
Будто сразу у всех за спиной
Распахнулись орлиные крылья.

И летят наши думы к тому,
Кем начертана светлая дата,
Кто прошел сквозь кровавую тьму
Твердым шагом вождя и солдата.

Он под пулями дрогнувший ряд
Останавливал окриком строгим.
Он меж злых и усталых солдат
Шел в строю по военным дорогам.

Возмужали мы, горечь и злость
Полной мерой в страданиях изведав,
И в сердцах наших верных слилось
Слово СТАЛИН со словом ПОБЕДА.

РОДИНА

Осинник зябкий, да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Деревни за березами и елками.
В асфальте и бетоне города.
И глуши, где старинными проселками
В веках прошла монгольская орда.

Не бранная дедовскими сохами,
В чертополохе диких пустырей
Лежала ты, овеванная вздохами,
Омытая слезами матерей.

Пылало небо дымными закатами,
Горели села русские в ночи.
Псы-рыцари, сверкающие латами,
В крови купали копыта и мечи.

Холодный пепел стыл над крутоярами,
И оглушал наемных сабель звон,
Тебя пытали кровью и пожарами
И швед, и шляхтич, и Наполеон.

За данью, за поборами богатыми
На Русь дружины жадные вели
Увенчанные шлемами пернатыми
Магистры, полководцы, короли.

Где слава их? Где гордость их надменная?
Орел на шлеме, сокол на щите?
А ты стоишь, бессмертная, нетленная,
Загадочная в мудрой простоте.

А ты лежишь, бескрайная пределами,
Ковры своих просторных нив стеля,
Сынами возвеличенная смелыми,
Родная сердцу, русская земля.

Над славными курганами старинными
Мы взвили к небу красный флаг труда.
Теченье рек умерили плотинами,
В лесной глуши воздвигли города.

А ныне вновь струится дым по пажитям,
Свинцом освистан мирных нив простор.
Добром твоим, в трудах безмерных нажитым,
Утробу жадно набивает вор.

Потопан лог железными копытами.
Лес притаился. Птичий гомон смолк.
И над твоими ранами открытыми
Склонился немец, как голодный волк.

И заросли поля чертополохами.
И дик простор горелых пустырей.
И ты лежишь, овевая вздохами
Солдатских жен и скорбных матерей.

Над головнями влажными и черными,
Как наша кровь, краснеют кирпичи.
Но кузнецы, склоненные над горнами,
Уже куют победные мечи.

Уже по вешним лужам и проталинам,
Заветам славы дедовской верны,

На ратный подвиг посланные Сталиным
Твоих врагов теснят твои сыны.

Их ждут осинник, и речушка узкая,
И синий бор, и желтые поля.
Ты им дороже жизни, радость русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Пока сверкает звездами вселенная
И солнце не померкнет в высоте,
Ты будешь жить, бессмертная, нетленная,
Загадочная в мудрой простоте.

Декабрь на Дону

В добрый час

Опять, как в ноябре былом,
Бушует шквал свинца.
И вести добрые теплом
Наполнили сердца.

Непобедимо тверд опять
Красноармейский шаг.
Плотина прорвана, и вспять
Бежит на запад враг.

От залпов задрожали вновь
Донские берега.
Струится вражеская кровь
На первые снега.

Меж звонких льдин кипит вода
На бой, на ратный труд
Станицы, села, города
Сынов своих зовут.

Руины выжженных жилищ,
Простор, одетый в чад,
Пустыни черных пепелищ
О мщении кричат:

За слезы жен и матерей,
За страшный, горький год
Гони и тысячью смертей
Карай немецкий сброд.

Чтоб в погребальном звоне льдин
Их смертный ветер смел,
Чтоб все легли, чтоб ни один
От кары не ушел.

Пусть крепнет орудийный гул,
Пусть бьет в упор снаряд,
Пусть сгинет тот, кто посягнул
На гордый Сталинград.

Отвагой воинов для нас
К победе путь открыт.
— Вперед, герои! В добрый час! —
Им Сталин говорит.

Мы наступаем

Широкими белыми крыльями выюг
Над степью взмахнула зима.
А ветер торопит на запад, на юг,
В родные места и дома.

Январь наши думы на запад унес,
За грань огневых рубежей.
Там старые матери слепнут от слез,
Там жены заждались мужей.

Мы вышли в просторы знакомых дорог.
Кто нас остановит теперь?
На наших дорогах в берлогах залег
Свинцом нашим меченный зверь.

Еще огрызаясь и злобно рыча,
Он лапой простреленной бьет.
Но ненависть в сердце сильна, горяча
И сердце торопит вперед.

Во имя возмездия каждый силен
Все вытерпеть, все превозмочь.

И зверь уползает, пургой ослеплен,
В январскую вьюжную ночь.

По волчьему следу, в метели густой,
Идут батальоны в снега.

За городом город, версту за верстой
Мы с бою берем у врага.

Пехота за танками входит в пролом,
От крови краснеют штыки.

Победа своим белоснежным крылом
Уже осенила полки.

Дорога на юг

Дон. Станицы и хутора.
Белоснежная даль равнины.
Здесь, по балкам степным, вчера
Убегала вспять немчура,
Поднимали руки румыны.

Труп на трупе лежит снопом.
Били с фланга и били с тыла.
Здесь бегущих в страхе тупом
Наша ярость стальным цепом
На степных токах молотила.

Криком страха ощерив рот,
Мертвый немец лежит в кювете.
Через яр, через черный брод
Мечет снег, торопит вперед
Набегающий с Волги ветер.

Он шумит: настигай, карай,
Бей, гони по мертвому кругу!
Сквозь тревожный вороний грай,
Пробивая передний край,
Танки яростно рвутся к югу.

А за ними в снежной пыли
По кровавым обломкам дзота
Взвод за взводом, за ротой рота,
Мстя за муки донской земли,
Беглым шагом идет пехота.

Люди помнят — в дыму седом,
У заснеженного колодца,
Сад, возвращенный нашим трудом,
Наш врагом оскверненный дом
Ждет хозяина не дождется.

Каждый хутор в степной глуши
Простонал материнским стоном.
Ветер в уши трубит: «Спешите!»
«Поспешите!» шумят камыши
Над закованным льдами Доном.

Ненавистью победили

Чернеют вражьи трупы на снегу,
Грохочут залпы, и звенят клинки.
Со всех сторон наперерез врагу
Идут танкисты, конники, стрелки.
Неумолима, яростна, строга,
Шагает наша ненависть в строю.
Кто ненавидит всей душой врага,
Тот победит в бою.

На смертный бой по выжженной земле
Вождь-богатырь ведет богатырей
Туда, где в сером пепле и золе
Смешались кровь и слезы матерей.
Кричат о мести мертвые луга
В ограбленном, измученном краю.

Кто ненавидит всей душой врага,
Тот победит в бою.

Жестокий враг срубил отцовский сад,
Поджег твой дом, разрушил твой завод.
В руинах Минск. В полоне Киев-град.
Смоленск сынов на выручку зовет.
В плену Днепра святые берега.
Брось труп убийцы в пищу воронью.
Кто ненавидит всей душой врага,
Тот победит в бою.

Иди вперед без отдыха и сна,
В суровом сердце жалость потуши.
Пока за всё не отомстим сполна,
Тяжелый камень не спадет с души.
В дыму руин родного очага
За всё воздай немецкому зверью.
Кто ненавидит всей душой врага,
Тот победит в бою.

Гони врага! Передохнуть не дай.
Неси на запад орудийный гром.
Тебя благословит родимый край
И назовет своим богатырем.
Через леса, и степи, и лога
Неси, как знамя, ненависть свою.
Кто ненавидит всей душой врага,
Тот победит в бою.

Защитник Сталинграда

В зное заводы, дома, вокзал.
Пыль на крутом берегу.
Сталин привел его и сказал:
— Город не сдай врагу. —

Верный присяге русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Гулко катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад —
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей.
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых черных громад
Он защищал Сталинград.

Танк на него надвигался, рыча,⁷
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, сплеча
Танки гранатой разил.
Пулю — за пулю. Снаряд — за снаряд.
Он защищал Сталинград.

Смерть подступала к нему в упор.
Сталью хлестала тьма.
Артиллерист, пехотинец, сапер —
Он не сошел с ума.
Что ему пламя геенны, ад?..
Он защищал Сталинград.

Просто солдат, лейтенант, генерал,
Рос он в страде боевой.
Там, где в огне умирает металл,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придет — рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапку снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат —
Он защищал Сталинград!

Сибиряки

Денек нынче выдался громкий, горячий.
До самых потёмок не вышли из драки.
Как заняли к полночи хутор Гремячий,
Так немец пошел и пошел в контратаки.

Пять раз наши щели утюжили танки,
Пять раз у ребят от холодного пота
Влажнели рубахи и мокли портянки,
Но все ж не ушла из окопов пехота.

Пять раз мы атаки встречали по-свойски,
Огнем и свинцом из метельной завесы.
Пять раз обожглось о сибирское войско
Хваленое ихнее войско — эс-эсы.

Народ в нашей части упрямый и стойкий.
Таежник ведь с детства охотник завзятый.
На танк, как на зверя, идет с бронебойкой.
Пехоту, как омуля, глушит гранатой.

В Сибири не любят горячку и спешку.
Мы дело ведем не спеша, аккуратно,
Но если стрелки поднялись в перебежку,
Сам черт не загонит их в щели обратно.

Мы свыклись с бомбежкой и пушечным громом.
Под минами мы не считаем минуты.
Горелым железом и танковым ломом
Дивизия наша вершила маршруты.

Сибирское сердце карает сурово.
В нем боль Украины и горе Донбасса.
И тот, кто уйдет подобру-поздорову,
О нас не забудет до смертного часа.

В ходу у таежников крепкая водка,
Да меткая пуля, да мертвая хватка.
Такая сибирская наша походка,
Такая сибирская наша повадка.

Баллады

Баллада о пехотной гордости

1

Иной раз труняг над нами
Домашние остряки
И «пешкой» и «топтунами»
Зовут от легкой башки.

Мол, тихо ходит, старушка,
А бог на войне — мотор.
Вот танк, самолет и пушка —
Совсем другой коленкор.

Мол, ваша должность кротовья —
Топчи себе дно норы...
Болтай, дружок, на здоровье!
А мы молчим до поры.

Молчим себе и кусаем
Невзрачный пехотный ус.
Уж мы-то немножко знаем,
Что — редька, а что — арбуз.

Поставить бы вот, ребята,
Такого говоруна
На место нашего брата,
Пехотного топтуна.

Да всыпать ему погуще
Артиллерийских щей.

Остряк отощал бы пуще,
Чем тот бессмертный Кашей.

Узнал бы болтун, как сладко
Лежать, траву теребя,
Когда из-за туч девятка
Пикирует на тебя.

Когда б его в полной силе
Наш мед пробрал до души,
Уж мы бы тогда попросили:
— А ну, еще побреши!

2

Лихое войско — танкисты.
Как с поля, на полный ход,
Навалится танков триста,
Бросает в холодный пот.

Ползет железный слонище
И топчет все на пути.
Попробуй в толстой бронище
Для пули щелку найти!
Деревья танку — солома,
Ползет, как жук, по буграм.
От лязга, рева и грома
Кругом стоит тарарам.
А вот пехотинец бойкий
Плюет на железный гром,
Работает бронбойкой
В окопчике за бугром.
Случается, танки скопом
Собьют заслоны в яру
И ну гулять по окопам,
Утюжить нас, пехтуру.

Тут пешая бражка наша
Становится, как гранит.
Землица, наша мамаша,
От гусениц нас хранит.
Мы бьем в смотровые щели,
Гранаты мечем со зла.
Глядишь — и пересидели,
И наша опять взяла.
Хорошая штука — танки!
Да хороши до поры:
Ведь фрица-то из землянки
Не выбьешь без пехтуры!

3

Лихое оружие пушки!
Как примутся бить с утра,
Пехоте нашей, старушке,
От них и в мороз жара.
Ползем по снегу в крови мы.
Гуляет смерти коса.
Ребята, как херувимы,
Возносятся на небеса.
Снаряды нашему брату
Встают поперек пути.
Бывает, что от солдата
И пуговицы не найти.
Но от снаряда пехоте
Земля — заслон и оплот.
В воронке, в окопе, в дзоте
Не в раз достанет налет.
Ползет пехота-старушка —
Иван, Степан, Тимофей...
Жила-была утром пушка,
А в полдень она — трофей.

Как пушки там ни орали,
Мы шли сквозь железный гром.
Мы тысячи пушек брали
И тысячи заберем.
Хоть все стальные гостинцы
Рассыпь на нашем пути,
На каждого пехотинца
Металла не напасти.
Лихое оружие — пушки!
Невесело в их дыму.
Но без пехоты-старушки
Все громы их ни к чему.

4

Крылатый народ — пилоты!
Гуляют меж облаков.
Из узких щелей пехоту
Выкуривают, как сурков.
Мрет сердце нашего брата,
Когда загудит вдалеке.
Глядеть с земли страшновато,
Как «птички» идут в пике.
Воронки и слева и справа —
Работа первейший сорт.
А если подумать здраво,
Не так уже страшен чорт.
Пусть «мессер» вертучий злится,
Расходует пуль запас.
Мамаша наша, земляца,
От пули спасает нас.
Бомбежки входят в привычку.
Обтерпимся день за днем
Да пулей наглуую «птичку»
Под крылышко ковырнем.
Как «юнкеры» б ни гудели,

Мы пулями, знай, сечем.
Когда человек при деле,
Ему и страх нипочем.
Стреляем — и горя мало!
Летайте хоть дотемна.
А если и нам влетаю,
Так что же? На то война.
Крылатый народ — пилоты!
Глядим на них из низин.
А все же — не будь пехоты,
Кто дал бы им жечь бензин?

5

Дороги российской славы
Торил пехотный солдат
К Бородину от Полтавы,
Из-под Москвы в Сталинград.
Под ливнями рваной стали
Мы видели смерть не раз.
Нас танки в степи топтали,
И бомбы кромсали нас.
В лесах и в лощине узкой,
Сквозь воды, огни и ад
Прошел страстотерпец русский —
Пехотный топтун-солдат.
Да! Мы не герои в латах,
Не рвем успех на лету.
Шинели наши в заплатах,
Рубахи наши в поту.
Мы вдоволь глотали пыли,
Мы ели и снег и лед,
Мы черную воду пили
Из самых гиблых болот.
В глаза опасности глядя,
Стоял пехотный солдат,

Когда хлестал в Сталинграде
Немецкий каленый град.
Делились мы горьким паем
С друзьями в трудном году,
А нынче мы наступаем
В одном боевом ряду.
Громят батареицы доты,
Танкисты прут по тылам,
Но трудный бросок пехоты —
Венец боевым делам.
Идет лихая охота,
Удары сильны, точны.
И гонит немца пехота —
Дорожные топтуны.
Возьмите хоть нашу роту —
Где есть народ веселей?
Не зря старушку-пехоту
Зовут ЦАРИЦЕЙ ПОЛЕЙ.

Баллада о гвардейской чести

1

Где по ложбинам рыщет волк
И с воем мечется пурга,
Летит конногвардейский полк
Глубоким рейдом в тыл врага.
В степной станице и в яру,
На переправе у реки
В капусту рубят немчуру
Конногвардейские клинки.
Неугасима наша месть,
И наша ненависть жарка.
Везде держи высоко честь
Конногвардейского полка!

2

Мороз трескуч, и ветер свеж,
 В глаза позёмка пылью бьет.
 Легла пехота на рубеж
 И залпами вгоняет в пот.
 Сквозь пули надо к рубежу
 Прорваться вихрем на коне.
 Я в конной гвардии служу —
 С конногвардейца спрос втройне.
 Пускай опасностей не счесть,
 Тверда на поводе рука.
 Везде держи высоко честь
 Конногвардейского полка!

3

Был наш налет свиреп и лих.
 Но с тыла вдруг ударил враг.
 Меня отбили от своих,
 Забили наглухо в овраг.
 Как мышеловка, чортов яр —
 Обрыв везде высок и крут.
 С клинками шестеро мадьяр
 Наперерез галопом прут.
 Давай рубиться! Шесть, так шесть!
 Что значит лишний взмах клинка?..
 Везде держи высоко честь
 Конногвардейского полка!

4

В поселке пусто и темно.
 Зенитки воют и кричат.
 А возле садика, в кино,

Тепло, и свет, и смех девчат.
Едва ввалились, как на-грех,
Оркестр «лезгинку» грянул вдруг,
И та, что чернобровей всех,
Смеется и зовет на круг.
Коль время есть и случай есть,
Ударь «наурскую» с носка!
Везде держи высоко честь
Конногвардейского полка!

5

Конногвардейцу чорт не брат.
Он спуску не дает врагу.
Штурмует дот с пехотой в ряд,
Играет шпорой на кругу.
Он прям, как свечка, на коне.
И ленты девичья рука
В прощальный час, на память мне,
Вплетает в гриву дончака.
С клинком в огонь и воду лезть —
Удел лихого казака.
Везде держи высоко честь
Конногвардейского полка!

Двое ночью

Мертвый поселок в ночи, в грязи.
Шорох и шопот из-под плетня:
— Гриша... братишка... один ползи...
Отвоевался... Оставь меня... —
Липнет к шинели жидкая грязь.
Ой, тяжела ты, живая кладь!
Кровью намокла грубая бязь.
Шорох опять, и шопот опять:

— Вот привязался... упрямый бык...
Глупо, браток, пропадать вдвоем... —
Звякает глухо штык о штык,
Кровь запекается под тряпьем.
Руки в грязи, и лицо в грязи.
Ноет простреленное плечо.
Сердце торопит: «Ползи! Ползи!»
Кровь приливает к вискам горячо.
Взыла ракета. Светло, как днем.
Вот они! Целься! На мушку лови!
Тело на теле под бурым плетнем.
Оба в грязи. Оба в крови.
Мертвый поселок и мертвый свет.
Яблони. Хата. Горшок на трубе.
— Кончено... Смерть... —
И со зла в ответ:
— Не шевелись, говорю тебе... —
Тело на теле в тени куста.
Ой, тяжела ты, живая кладь!
Как избавленья, пришла темнота.
Шорох опять и шопот опять:
— Брось ты меня... Заколи... убей...
Оба за-зря пропадем в ночи... —
Выблеск. Плетень. Горшок на трубе.
Сдавленный, яростный хрип: — Молчи! —
Верхний сомлел, замолчал, обмяк.
Ноги — как палки, рука — как плеть
— Угомонился. Давно бы так.
Только б обоим не околеть... —
В солнечных бликах овражный склон.
Тело на теле возле ручья.
«Что это было? Бред или сон?..
Чья ты, земля? Своя? Ничья?
Где это было?.. Постой... Погоди...
Федя.. Неужто ты не живой?»
Ухом припал к разбитой груди
Над прошлогодней ржавой травой.

Шукает мертвые кисти рук.
Усталъ и боль забывает он.
Будто бы слабый, неясный стук,
Будто бы тихий, протяжный стон.
Гомоном птичьим звенит овраг.
Радостна струй весенняя пруть.
— Федя, лежи, отдыхай, дурак...
Нам еще, Федя, жить да жить!
Кто разочтется за кровь без нас?
Слышишь?... —
Рыданье стеснило грудь,
Хлынули слезы ручьем из глаз,
С сердца смывая ночную жуть.

Баллада о двух солдатах

1

Облака от пыли серы.
Воздух сух, и зной жесток.
Скорым шагом берсальеры,
Солдатня и офицеры,
Маршируют на восток.

Опоясан синим Доном,
Проливаясь через край,
По лощинам и по склонам,
Летним зноем опаленным
Манит вдаль пшеничный рай.

Есть где песне разлететься
Взмахом легкого крыла:
«Джовиньецца, джовиньецца,
Примавера ди беллецца..
Эйя! Эйя! Алала!»¹

¹ Из марша чернорубашечников «Молодость, молодость— весна красоты...»

2

Над постелью синим тентом
 Ночь раскрыла крылья сна.
 Джиованни из Сорренто
 Снится орденская лента,
 Снится слава и жена.

Где Везувий в дымной вате
 Над заливом встал стеной,
 В Рим на собственном «фиате»
 Джиованни на закате
 В гости к дуче мчит с женой.

Сновиденьями богата
 Ночь под кровом звездных сфер.
 Славой, скоростью «фиата»
 В хате русского солдата
 Грезит пьяный берсальер.

3

В каждой балке, в каждой яме
 Сторожит немецкий волк.
 Смерть, как тень, идет за нами.
 На восток, за Дон, с боями
 Отступил стрелковый полк.

Над полком стальные птицы
 Хороводами жужжат.
 Наши села и станицы,
 Наше жито и пшеница
 Нам кричат: «Вернись назад!»

На виски ложится проседь.
 Очи нам слепит беда.
 У солдат никто не спросит:
 Сколько каждый в сердце носит
 Едкой горечи стыда?

4

По дремучему бурьяну
 Спят товарищи вразброс.
 Сон нейдет к бойцу Ивану.
 Видит он жену Марьяну,
 Видит Дона синий плес.

Хоть бы сон пришел, как милость.
 Думы — черная вода.
 Может, к ней сейчас ввалилась,
 Надругалась, наглумилась
 Чужеземная орда?!

Из-за Дона доброй вести
 Не дождешься — жди не жди.
 Будет сердце не на месте,
 Будет злое пламя мести
 Зреть в простреленной груди.

5

Разогнала осень уток.
 С верб слетел листвы наряд.
 В синем дыме самокруток
 Звонкий санный первоуток
 На Дону бойцы торят.

День и ночь земля гудела
 У стальных коней в плену.
 Первым снегом степь седела.
 Славный бой, большое дело
 Затевалось на Дону.

Вслед за танками пехота
 Шла, укрытая в бурян.
 И в строю, у пулемета,
 Впереди всего расчета
 Скорым шагом шел Иван.

Смерть — за смерть. За рану — рану.
 Вейся, ветер, снег крути!
 Я от ветра не отстану.
 Пулеметчику Ивану
 Нынче с ветром по пути.

Если с ветром взвиться к тучам,
 Даль задонская видна.
 Там, в степном селе Гремучьем.
 Самом милым, самом лучшим, —
 Хатка, садик, мать, жена...

Кровью смоем горечь боли,
 Злой огонь сердечных ран.
 В декабре, в степном раздолье
 Встретились на мертвом поле
 Дживанни и Иван.

Три ракеты ввысь взлетели.
 По селу свинец вьюжит.
 Со смертельной дрожью в теле
 Из тепла чужой постели
 Берсальер в буран бежит.

А в степи прочнее, круче
 Нити смерти вьет пурга.
 — Ты зачем нас бросил, дуче,
 В эту степь, в село Гремучье,
 В эти черствые снега?

У костра не обогреться,
 Не шагнуты в тепло жилья.
 «Джовиньеца, джовиньеца,
 Примавера ди беллеца...»
 Гибнет молодость моя.

Ветер бесится на воле.
 Бой ночной идет к концу.
 Где пурге гулять раздолье,
 Двух солдат на мертвом поле
 Смерть свела лицом к лицу.

Бьет «максим». Струится лента.
 Шелест пуль, и ветра вой.
 Стынет кровь на позументах.
 Джиованни из Сорренто
 Пал с пробитой головой.

Где ты, слава? Где ты, вера?
 Теплых волн голубизна?..
 В белом домике у сквера
 Не дождется берсальера
 Джильда — верная жена.

Утро. Реже сумрак серый.
 Дерзкий луч пробил пургу.
 Вдоль дороги берсальеры,
 Солдатня и офицеры,
 Разметались на снегу.

Вьет позёмка снег летучий.
 К югу катится гроза.
 Спят в снегу солдаты дуче.
 Сквозь морозный иней в тучи
 Смотрят мертвые глаза.

Мечет вихрь до небосвода
 Снеговое серебро.
 За селом, у огорода,
 Заметает непогода
 Петушиное перо.

На среднем Дону

Народное сердце

Ночной собеседник

Бывают же такие в жизни встречи!
Перегорала полночь. Чуть дрожа,
Неверным светом освещали свечи
Неструганные стены блиндажа.
Дверь хлопала и открывалась снова.
Входили люди, и врывался пар...
В семь сорок пять стрелковый полк Орлова
По флангу немцев наносил удар.
В углу, над телефонным аппаратом
Хрипел связист: — Ока... Ока... Ока... —
Последнее напутствие комбатам
Давал над картой командир полка:
— От хуторов ведет атаку Бочин,
Лойк и Плетнев ударят от реки. —
Был каждый слог негромкой речи точен.
Был скуп и точен каждый жест руки.
— Врываемся в окопы ровно в восемь.
Идем вперед, его тылам грозя.
Учесть — удар мы первые наносим.
Ни сдрейфить, ни замешкаться нельзя.
Раз вышло время с немцем поквитаться,
Так бей с расчетом, силы не дробя.
А кто душой обмякнет, может статься,
Так, пусть такой пеняет на себя.
Немало немец лютовал, ребята,
Пора его как следует тряхнуть... —
И встал. И обнял каждого комбата.
И всем сказал:
— По ротам! В добрый путь! —

Вот он стоит над картой и над планом.
Стан перехвачен поясом тугим.
Три золотых полоски над карманом.
Три ордена солдатских над другим.
Он говорит мне:

— От последней встречи

Воды и крови много утекло.
А мы себе, как в тот июльский вечер,
Живем, безносой спутнице на зло.
А мы себе такие, как вначале,
Хоть повидали много страшных дней,
Хоть огрубели, да не одичали,
Душой и телом сделались сильнее.
А хлопотно, скажу тебе по чести:
Война ведь все же не отцовский дом.
Давай вздремнем полчаса и вместе
Перед атакой роты обойдем. —
И лег он, улыбаясь виновато,
На полушубок возле камелька.
В углу связист хрипел у аппарата:
— Ока... Ока... Ты слушаешь, Ока?.. —
И полутьма. И желтых свеч мерцанье.
И запахи оттаявшей земли.
Я не уснул... Меня воспоминанья
К далекой нашей встрече увели.

Глухой проселок и пустые хатки.
Ночная тень соснового леса.
Здесь, на ночевке, я нашел остатки
Раздавленного танками полка.
Проверив документы для порядка,
Посомневавшись — свой или не свой, —
В штабную командирскую палатку
Меня провел по стёжке часовой.
При двух неярких, трепетных коптилках,
Сняв снаряженье, отцепив наган,
Лежал в пустой палатке на носилках
Седой тридцатилетний капитан.

Нетронутый валялся скудный ужин:
Консервы, сало, хлеба два куска.
От неотступных дум своих разбужен,
Встал мне навстречу командир полка.
Я вскрикнул, отступая, удивленно:
— Сергей Орлов!.. Да что с тобой, родной? —
Веселым командиром батальона
Я капитана знал перед войной.
Он всем по сердцу приходился сразу —
Красавец, балагур и остролов,
Черноволосый, статный, кареглазый,
Крестьянский парень, капитан Орлов.
Как изменился он за три недели!
Какой бедой прошла над ним гроза!
Из темных впадин на меня глядели
Усталые, глубокие глаза.
Узнал меня. И твердо и упруго
Шагнул навстречу дружеской руке.
— Вот это встреча! Левая для друга,
А правая... четвертый день в лубке. —
Он улыбнулся весело и горько:
— Шарахнуло железным кирпичом... —
Обрызганная кровью гимнастерка
Топорщилась над раненым плечом.
Концом окурка снял нагар с коптилки.
— Устал с дороги? Выпьешь? Хочешь есть? —
Сел полуоборотом на носилки
И жестом пригласил на ящик сесть.
— Уж если ты сюда направил лыжи,
Здесь тишь и гладь. Ну, чем тебе не Крым?
Сверни цыгарку да подсядь поближе.
Про жизнь и про войну поговорим.—
За лесом ночь от выстрелов колосась.
В селе вихрилось пламя над стрехой.
А я сидел, курил и слушал голос
Взволнованный, то звонкий, то глухой.
— Чудно и странно! Только три недели
Идет за нами по пятам беда.

А многие изрядно поседели,
Со многими расстались навсегда.
Нет комполка. Нет Васина, комбата.
Майор разорван бомбой на куски.
Какие были славные ребята,
Геройские, лихие мужики!
Душа горит... Хоть разуму понятно,
Что без утрат и крови нет войны,
Что просто так мы не вернем обратно
Ни равновесья душ, ни тишины.
Но мы привыкли жить, не отступая.
Мы не хотим ни шагу отступить!
Но силища железная, тупая
Нахлынула и потеснила вспять.
Земля нам больно обжигает ноги.
Стыд застывает холодом в груди.
Ведь каждый куст и камень у дороги
Кричит нам вслед: «Солдат, не уходи!»
Поля полны беззвучным криком этим.
Роса течет, как слезы, по штыкам.
Что мы России, Сталину ответим?..
Что мы ответим нашим старикам?..
Когда пожар сливается с закатом
И враг ведет на виселицу мать,
Не подвиг — честно умереть солдатом,
Не подвиг — боль без крика принимать.
Вот ранило. А я плюю на рану.
Другая рана, в сердце, глубока.
Мутился разум. И не раз к нагану
Сама тянулась в эти дни рука.
Когда с угра кругом снаряды рвутся,
А бомбы прошивают вышину,
Так тянет все забыть и окунуться
В бездонную, как омут, тишину.
И всё ж в боях и на ночевках душных,
Когда у самых ног чернел провал,
Я плюю — утешенье малодушных —
Разбить узлы своей судьбы не звал.

Мы от границы отошли за Припять,
А нынче ширь днепровская видна.
Растаял полк. Как трудно было выпить
Всю эту горечь залпом и до дна.
Сушила сердце каждая утрата —
Ведь я не из железа, не стальной.
Я командир. За каждого солдата
Мне отвечать перед моей страной.
Мы на реке не удержали брода.
От города с боями отошли.
Я командир. Перед судом народа
Мне отвечать за каждый клочок земли.
Вот и не сплю под этим шатким кровом.
Жду не дождусь, когда придет рассвет.
Кто прояснит мой разум мудрым словом?
Кто выслушает, спросит, даст совет?
Что взять себе для разума опорой,
Когда вокруг сумятица везде?..
Но есть на свете человек, который
Своих людей не покидал в беде.
Когда бывает горько жить и шатко,
Он по тропинке, в тишине ночной
Невидимый никем придет в палатку
И до утра беседует со мной.
Пока на листьях не обсохнут росы
И танк не подомнет кусты ракии,
Ответит он на все мои вопросы,
Похвалит, обнадежит, пожурит.
Мы до зари с ним новый бой обсудим,
А утром, снова сильный и живой,
Я из палатки твердо выйду к людям,
К семье своей солдатской, боевой.
Я загляну в глаза им ясным взглядом,
Я им скажу, как отрублю клинком,
Что враг стоит за переправой, рядом;
Что танки рыщут близко, за леском;
Что немец прет на нас железным строем;
Что от полка уже осталась треть;

Что лучше в схватке умереть героем,
Чем холуем немецким умереть.
Я не скажу им, кто меня, Орлова,
На твердый путь наставил в трудный час,
Но все бойцы поймут меня с полслова
И, стиснув зубы, выполняют приказ.
Вот так живем... —

Раздумчиво спокоен
И к тридцати годам белоголов,
Навстречу дню поднялся русский воин,
Простой пехотный капитан Орлов.
Прогрохотала пушка на рассвете,
В палатке серый сумрак поредел.
И я почуял сердцем:

кто-то третий
Здесь на зарядном ящике сидел,

Дума солдатки

От стужи, от ветра дышать тяжело.
Бьет снежный крученый жгут.
По белым сугробам в тепло, в село
Воловьи упряжки плывут.
Буран собирает в донском краю
Снежинок несметный улов.
Вслух думая женскую думу свою,
Солдатка торопит волов.
— В осеннюю слякоть, и в летний зной
И в стыни январских стуж
Летит моя дума к тебе, родной,
Мой сизый орел, мой муж.
Летит моя дума на фронт; к тебе..
Хоть дома застать письмецо б..
А ну, вы, ленивые! Цоб! Цобе!
До дому, до дому. Цоб!
Январские ночи вьюжны, длинные.

Шуршат за окном кусты.
В ночах к изголовью приходят сны,
И с ними приходишь ты.
Неслышной походкой войдешь в покой,
Наощупь, не вздув огня,
Обнимешь меня хозяйской рукой,
Целуешь в губы меня.
Ветрянка в трубе завывает зло,
Как тощий волк в лозняках.
И сладко, и жутко мне, и тепло
В твоих хозяйских руках.
И бродит по жилам настой хмельной.
И крик удержать невмочь.
Петух пропоет. Меж тобой и мной
Метель, пустота и ночь.
Стрекочет сверчок на челе печном,
И нет его песне конца.
Меньшая дочка спит под рядом
И кличет во сне отца.
Ну, что с нее спросишь? Глупа. Мала.
Зовет себе и зовет.
А мне недосуг. У меня дела.
В степи сейчас обмолот.
Война подгоняет, торопит нас.
И спрос и ответ втрое.
Мы, бабы, в ответе за всё сейчас —
Мужья-то все на войне.
Весь день на току прокручусь волчком.
Забот и хлопот полон рот.
А вечер придет — как снежный ком,
Тревога моя растет.
Солдаткина ночь, как годы, долга.
Мой любимый! Желанный мой!
Побейте скорее немца-врага
Да приходите домой!
Несладко, чай, вам бедовать в бою,
Да нет другого пути.
За боль свою, за тоску мою,

За всё ты им отплати.
Как вымели б вы с российской земли
Немецкую сволоту,
Уж мы бы вам пирогов напекли,
Что сами тают во рту.
Такое бы пиво сварили и квас,
Какого на свете нет.
В колхозной бане смыли бы с вас
Грязищу окопных лет.
А вечером все на колхозный бал
Пошли бы веселой гурьбой,
Чтоб нам баянист за столом играл
Про ваш богатырский бой,
Чтоб чарки ходили вокруг по столу,
И малых не обходя.
А набольшим самым, в красном углу,
Стоял бы портрет вождя.
За мир, за Россию, за наш колхоз
Мы пили бы все вино.
И падали б капли счастливых слез
В стакан, на влажное дно.
Постель бы, как в свадьбу, тебя ждала
В хозяйской твоей избе.
Про деток, про бабьи свои дела
Я все б рассказала тебе.
Сверчок бы примолк на печном челе,
И кот бы дремал в тени.
Казалось бы нам, что на всей земле
Мы только с тобой одни.
Как пологом нас укрыла бы ночь
Полотнами тишины.
Ты спал бы, а я отгоняла прочь
Дурные окопные сны.
Никто б нам с тобою в ту ночь не мешал.
Заря бы зарделась в окне.
А ты бы спокойно, ровно дышал,
Во сне улыбался мне.
Была б наша жизнь светла, долга...

Мой любый! Желанный мой!
Побейте скорее немца-врага
Да приходите домой...
Летит моя дума на фронт, к тебе.
Хоть дома застать письмецо б...
Волю мои, волики! Цоб! Цобе!
До дому, до дому. Цоб!

Старик

Старик, как старик, — не крепыш, не кряж,
Осанки особой нет.
Вглядишься в морщины его и дашь
Семь с гаком десятков лет.
Вихры в седине. Борода в седине.
На лбу — от шрама провал.
На прошлой, на той германской войне
Три года он воевал.
Три года в окопах сидел подряд.
На стенку, вон, погляди —
Два крестика белых с медалями в ряд
Висят у него на груди.
Но дело, в общем, совсем не в крестах.
Без них бы пахал и жил.
России за совесть, а не за страх
Пехотный солдат служил.
Хоть был у России царёк дурной,
Да надо ведь воевать,
Нельзя ведь ни пяди земли родной
Врагу «за так» отдавать.
Пруссак — что твоя платяная вошь:
Плодит пруссачонков-гнид.
Отдашь хоть вершок за «здорово живешь» —
Всю землю заполонит.
Хоть стати особой в старом и нет,
Хоть прожил век без затей,
А выводком крепким пустил на свет

Своих восьмерых детей.
Он отдал всю силу детям своим,
Своей молодой родне,
И землю им, и свободу им
Отбил на гражданской войне.
Поджарые сѣсны валил в мороз.
В ненастье за плугом шел.
Ругался с начальством, но свой колхоз
Тянул, как упрямый вол.
Был труд любой ему по руке.
Не ждал он к старости льгот.
И орден на праздничном пиджаке
Он носит четвертый год.
Большие народ замышлял дела.
Колхоз обрастал добром.
Да вором, невпору война пришла,
Как в ясное утро гром.
Как встарь, у околицы замирал
Солдатов причётный крик.
Сынов, и зятьев, и внуков собрал
В просторной избе старик.
От сердца отцовского первый раз
Он племя свое отрывал.
И каждому дал отдельный наказ
И в губы поцеловал.
Был короток этот наказ простой:
— Врага в бою переспорь.
За русскую землю насмерть стой.
Седин моих не позорь!
Вот горстка земли. В ней — сила Руси.
Я взял ее ратным трудом.
Ты вместе с победой ее принеси
Обратно в отцовский дом... —
Ушли сыновья, и зятя ушли,
И внуки ушли в поход.
Как серое облако, пыль вдали
За спинами их встает.
Проходит и месяц, и два, и год,

И месяц, и два опять.
Невестка от мужа весточки ждет,
Тоскует по сыну мать.
А старый ворчит:
— Не диви людей!
У всех на дворе беда... —
И стала приметно сивей, седей
У старого борода.
Он в день превращает вечер и ночь,
Работая за троих.
Заботами он прогоняет прочь
Сумятицу дум своих.
Уже не вернутся двое домой,
И ранен большак Кондрат.
— Сынок мой желанный! Сокол ты мой!.. —
Сорвется с губ невлопад.
И словно как дым застелет глаза,
И веко вдруг задрожит,
И сердцем не сдержанная слеза
По бороде побежит.
Мужская слеза горчей, солоней.
В ней сильного сердца боль.
Спохватится. Заторопит коней:
— Да ну вы! Уснули, что ль? —
Слезу кулаком смахнет на ходу.
(К чему слеза на войне?)
Прямую, как струнку, ведет борозду
По желтой колкой стерне.
Солдатская песня звенит с большака
И замирает вдали.
Сквозь беды и годы ведет старика
Бессмертная сила земли.
Он прямо глядит в кровавую тьму,
Он вести победной ждет.
Его не осилишь.
Имя ему —
Великий русский народ.

Полёвая книжка

* * *

Все надо пережить, все вынести
Во имя торжества родной земли.
Поэт всеобщей воинской повинности,
Ты груз войны с солдатом раздели.
В степи, в лесах, в болоте этом гибельном
Вкуси от будней ратного труда.
И не жалей, что с Редьярдом Киплингом
Тебя не поравняют никогда.
Не на один покрой шинели скроены:
Мы — люди разных статей и пород.
Твои герои — ратники и воины,
За свой очаг воюющий народ.
В своей стране, пожаром битв охваченной,
Они вершат суровый, грозный суд.
Свой труд, монетой звонкой не оплаченный,
Как знамя, наши воины несут.
Их путь чернеет селами сожженными
И трупам на снежной целине.
Они в ночах бомбежных бредят жснами
И детям улыбаются во сне.
Пусть пахнут руки их родной избой еще,
Но их стопой тропа проторена
К Полтаве от Мамаева побоища
И к Сталинграду от Бородина.
Мы всё вернем, и города, и области.
Железный град пришельцев посетит.
Но удали, и подвигам, и доблести
У нас, у русских, свой, особый счет.

Взгляд вперед

Савве Головановскому

Под старость на закате темном,
Когда сгустится будней тень,
Мы с нежностью особой вспомним
Наш нынешний солдатский день.
И все, что кажется унылым,
Перевалив через года,
Родным и невозвратно милым
Нам вдруг представится тогда.
Странички желтые листая,
Мы с грустью вспомним о былом
Забытых чувств и мыслей стая
Нас осенит своим крылом.
Перележав на полках сроки
И свежесть потеряв давно,
Нас опьянят простые строки,
Как многолетнее вино.

Чиж и пушка

Басня

Была весна. Была война.
Стреляли пушки дотемна.
А на лесной опушке,
Как раз напротив пушки,
На батарейной огневой,
Во весь чижиный голос свой
Невзрачный, серенький, как мышь,
Пел боевые песни чиж.
Он от усердия потел —
Все пушки заглушить хотел.
Но громок был железный бас,
И птичий писк в раскатах гас.
Запальный шнур в руке держа,
Жалея бедного чижа,

Сказал пушкарь: — Послушай, чиж!
Ты пушку не перекричишь.
Попробуй, спой потише.
Авось, тебя услышу.

* * *

При орудийной перебранке,
В неверных отблесках костра,
Солдат ложится спать в землянке
С мечтой: «Дожить бы до утра!»

А поутру, в четыре тридцать,
Порвав ночных видений нить,
Мечтает: как бы ухитриться
С утра до вечера прожить.

Скрипит ноябрьский первопуток.
Весна шумит во всей красе.
А люди по ступеням суток
Бегут, как белка в колесе.

Так сутки к суткам. Понемногу
Они привыкли ко всему.
Но им не позабыть дорогу
К родному дому своему.

Не все ль равно — село, станица,
Хлеба, сугробов целина?
Уснет солдат, и будет сниться
Дом над прудом, в дому жена.

И знает он, что сны такие
Ему не раз видать в пути.
Ведь через Минск, Смоленск и Киев
Придется нам домой идти.

И будет так...

Когда умолкнут пулеметы,
Наступит мир в миру честном,
Артиллерийские налеты
Покажутся далеким сном.

И, слушая рассказ солдата,
Раскрыв от удивленья рот,
Тайком подумают ребята:
«Вот старичина!

Лихо врет!»

На привале

Росная вечерняя прохлада.
Молодые сосны при пути.
Как немного человеку надо —
Сбросить скатку, дух перевести,
Снять ботинки, размотать портянки,
Развязать засаленный кисет...
Кажется, что на земле полянки
Краше и уютней этой нет.
Кажется, что полной горстью милость
Людям щедро раздает весна;
Что тебе попритчилась, приснилась,
Злая, пустоглазая война;
Что земля и травы пахнут домом
И соленой свежестью морей.
Добродушным, уходящим громом
Кажутся раскаты батарей.
Ветровые синие просторы
Все бы ты душой своей впитал.
...Не вини товарища, который
При пути портянки размотал.

Помнит он, что этих зорь алее
Кровь на узких листьях камыша.
Не размякнет, только станет злее
Верная солдатская душа.

В обеденный час

Не беги за елку, не шуми ты,
Плотно ложу приложи к щеке:
Чортовы стрекозы — «Мессершмитты» —
Третий раз на нас идут в пике.

Отрывают, подлые, от дела:
Щи простынут, если бегать в щель.
Хуже горькой редьки надоела
Эта неземная канитель.

Заимели, подлые, привычку
Шастать в гости вечером и днем.
Ну-ка, дружно непоседу-птичку
Бронебойной штучкой ковырнем.

Вот и ловко! Вот и долеталась!
Отвалился хвостик. Крылья врозь...
Ну, а щи опять пристыли малость.
Расколи полено! Дров подбрось!

Песни

Черноморская песня

С восточного края зарделась заря.
На рейде открытом гремят якоря.
В тумане растаяла кромка земли.
Уходят в поход боевой корабли.
Седые буруны кипят за кормой,
И склянки звенят на линкоре.
Простор ветровой,
Простор штормовой,
Родимое Черное море.

По правому борту видны берега.
Встречают огнем батареи врага.
Сквозь брызги в атаку летят катера.
Послать им навстречу снаряды пора.
Столбы водяные встают за кормой,
Кричат ревуны на линкоре.
Простор ветровой,
Простор штормовой,
Сердитое Черное море.

Сердца наши местью и гневом горят.
Без промаха шлём за снарядом снаряд.
За горе отцов и за слезы сирот
Караем немецкий разбойничий род.
И пламя и дым поднялись над кормой,
Орудья гремят на линкоре.
Простор ветровой,
Простор штормовой,
Суровое Черное море.

Трубит налетающий ветер трубой.
Со славой и честью мы кончили бой.
Высокие горы открылись вдали.
К родным берегам мы ведем корабли.
Дельфины и чайки скользят за кормой,
И песня звенит на линкоре.
Простор ветровой,
Простор штормовой,
Широкое Черное море.

У берега теплой советской земли
Бессменную вахту несут корабли.
Мы немцев сметем смертоносным огнем,
Одессу вернем, Севастополь вернем.
Под ветром колышется флаг над кормой,
Аврал боевой на линкоре.
Простор ветровой,
Простор штормовой,
Родимое Черное море.

Девичья

Бушевали досветла
По селу гармоники.
В путь-дорогу из села
Уходили конники.
Песенка прощальная,
Путь-дорога дальняя,
Через поле-целину
На германскую войну.

Ветерок ласкает нас,
Солнышком разбуженный.
Обними в последний раз,
Синеглазый, суженый.
Песенка прощальная,
Девушка печальная.
На войну — далекий путь,
Про меня не позабудь.

Зорька искрами зажгла
Ставни, подоконники.
Из-за Дона вдоль села
Шли на отдых конники.
Не скрипи ты, лесенка.
Ближе, ближе песенка.
Едет милый впереди —
Красный орден на груди.

Разговор

Что глядишь невесело,
Голову повесила?
Отчего и почему
Тяжко сердцу твоему?

Отвечала тихая:
— Жду большого лиха я.
На войне мой сокол-свет.
Пятый месяц писем нет.

Заскрипела лестница,
Старая кудесница.
— Получай-ка от дружка
Восемь писем из полка!

— Что поешь, соловушко,
Русая головушка?
Отчего и почему
Радость сердцу твоему?

Отвечала ясная:
— Плакала напрасно я.
Жив-здоров мой сокол-свет,
Бьет фашистов. Шлет привет.

Подарок

Вьется, вьется за окошком снег седой.
В ночь темную не спится молодой.
За работой, за заботой не до сна.
Жениху кисет на память шьет она.

За Донцом-рекой, в далекой стороне
Запропал ее зазноба на войне.
Служит сокол в конной гвардии полку,
Рубит немцев-чужеземцев на-скаку.

До утра в печной трубе поет метель,
Не стихает снеговая канитель.
Где прошла по шелку тонкая игла,
Незабудка голубая расцвела.

Незабудка — молодой надежды цвет.
Сохрани ты, сокол, девичий кисет.
Папироску на привале заверни,
Про меня в краю далеком вспомни.

Я кисет шелками вышила, любя.
Я тоскую, ожидаючи тебя.
Бей ты немца-чужеземца, не щади
Победителем на свадьбу приходи.

Ответств. редактор *М. Дальцева*

Подписано к печати 10/VII 1943 г. Л40204. Тир. 25 000. Заказ 691.
1½ печ. л. 59 000 зн. в печ. л. 2,3 уч.-изд. л. Цена 1 р. 50 к.

Ф-ка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

ЦЕНА 1 р. 50 к